

РОССИЯ И ПОЛЬША ПЕРЕД ЛИЦОМ ОБЩИХ ВЫЗОВОВ

Э. МОНЧИНЬСКА

Роль государства в экономике: от времен Адама Смита до цифровой революции*

В статье анализируется один из наиболее дискуссионных вопросов современной экономической теории – роль государства в экономических процессах, в том числе отношения между государствами и рынком. Показывается, что неолиберальная трактовка этих проблем, формально восходящая к А. Смиту, на деле стала шагом в примитивизации его идей, игнорировании этического аспекта его теории; ошибочной трактовке его знаменитой метафоры “невидимой руки”. Анализируется изменение роли государства в ходе становления современного социального государства. Рассматриваются новации, которые корректируют функции современного государства с приходом цифровой революции и связанным с ней цивилизационным кризисом. Показано, что решение современных проблем экономического развития требует включения в понятие экономической рациональности и социальных, и ценностных, и экологических компонентов. В согласовании всего этого комплекса проблем значительную роль играет современное государство, стратегия которого должна строиться на принципах нового прагматизма.

Ключевые слова: государство, экономический рост, теория А. Смита, “невидимая рука”, социальное государство, цифровая революция, новый прагматизм.

DOI: 10.31857/S086904990000381-1

Один из наиболее спорных вопросов в современной экономике – вопрос о том, какую роль государство играет в экономических процессах, в том числе отношения между государством и рынком. В период рейганомики и тэтчеризма неолиберальная доктрина, согласно которой эта роль должна быть сведена к минимуму, усиленно насаждалась. Однако начавшийся в 2007–2008 гг. в США финансовый кризис, последствия которого до сих пор ощущает мировое хозяйство, подорвал уверенность в его истинности. В связи с этим возникает вопрос, какова была почва его насаждения. Думаю, в этом существен-

* В основу статьи положен доклад на международной научной конференции “Россия и Польша перед лицом общих вызовов” (Институт экономики РАН, 4 декабря 2017 г.).

М о н ч и н ь с к а Э л ь ж б е т а (Maczyska E.) – профессор Варшавской школы экономики, член Научного совета Института экономических наук Польской академии наук (ПАН), Президент Польского экономического общества, член Президиума Комитета “Польша 2000 Плюс”, член комитета экономических наук ПАН, член Национального совета развития. Адрес: Nowy Swiat 49, 00–042 Warszawa, Republica Polska.

E-mail: elzbieta.maczyska@gmail.com

ную роль сыграли деформации идеи классического смитовского либерализма и ряд упущений, характерных для неоклассической экономики, в том числе касающихся роли государства и рынка. В результате развилось много диспропорций в мировом хозяйстве, в том числе крайне асимметричное распределение богатства и интенсификация процессов социальных неравенств. Поэтому динамизирующийся в современном мире материальный прогресс не выливается в достаточной степени в улучшение качества жизни людей. В некоторых сферах это качество ухудшается. Даже в развитых странах интенсифицируются отрицательные социальные явления, такие как ухудшающиеся общественные отношения, качество жизни, нарастающие у людей синдромы одиночества и отсутствие чувства безопасности, увеличение числа самоубийств, эрозия демократии, терроризм и другие. На это налагаются экологические угрозы. Парадоксально, но, несмотря на развитие науки и современных технологий, не удастся побороть эти неблагоприятные явления, напротив, многое указывает на их нарастание. На эти процессы обращал внимание еще в середине прошлого века Э. Фромм. Он спрашивал: что случилось, почему все самым очевидным образом начало портиться? И указывал, что “человек стал собирателем и пользователем. Все более центральным опытом жизни стало *я имею и пользуюсь*, все менее *я есть*. Средства – то есть материальные блага... стали таким образом целью. Ранее человек искал средств, служащих лучшей жизни, под стать человеческому достоинству”. Итак, “человек умер, да здравствуют вещи” [Fromm 2013, s. 20, 26]. Неблагоприятные тренды метко определил также А. Эйнштейн, который уже в 1946 г. констатировал: “Я убежден, что ужасающий упадок морали, свидетелями которого мы являемся в наше время, это результат механизации и дегуманизации нашей жизни – пагубных побочных продуктов научно-технического менталитета. *Nostra Culpa!*” (цит. по [Calaprice 2014, s. 373]).

Современный мир с его различными дисфункциями и глобально нарушенным равновесием подтверждает правильность таких мнений. В связи с этим возникают вопросы, кому и в какой степени эта *Nostra Culpa* может быть приписана, возможно ли и в какой степени в обзорной перспективе противодействовать имеющимся аномалиям и барьерам общественно-экономического развития и, наконец, какую роль призвано здесь сыграть государство.

Государство в теории Адама Смита – упрощения толкования

Истоки самой концепции государства уже в древности были предметом раздумий мыслителей такого масштаба, как Платон или Аристотель. Но будучи ограниченной рамками статьи, я сосредоточусь на проблеме роли государства в экономике. И тут необходимо прежде всего обратиться к произведениям А. Смита и характерному для нашего времени ошибочному и одностороннему их толкованию.

В 1759 г. он опубликовал произведение под заглавием “Теория нравственных чувств». 17 лет спустя, то есть в 1776 г., “Исследование о природе и причинах богатства народов”. Это эпохальное произведение Смита считается пионерной теорией свободного рынка и классической экономики, образующей фундамент экономического либерализма и по сей день влияющей на форму современных экономических теорий. Это произведение сформировало экономическую теорию и политику конца XVIII и первой половины XIX столетия как в Англии, так и во всем мире. Роль “Богатства народов” в развитии экономической и – шире – общественной мысли огромна. Но в то же время значимость этого труда привела к тому, что идеи Смита, высказанные в “Теории нравственных чувств”, остаются в тени. А между тем этот труд свидетельствует о живой заинтересованности автора вопросами социальной справедливости, этики и всеобщего блага. Именно совокупность этих двух выдающихся работ дает более полное представление о взглядах Смита на правильное действие механизма “невидимой руки” рынка, которое обусловливалось требованиями социальной справедливости [Kwarcinski 2005, s. 96–101].

Начиная со второй половины XX в. теория Смита стала почвой для развития неоклассической экономики. Затем на ее основе сформировалась неолиберальная доктрина, кото-

рая торжествовала, начиная с 70-х гг. XX в. Однако как неоклассическая экономия, так и неолиберализм, на мой взгляд, неправильно истолковывают теорию Смита, хотя они, казалось бы, являются ее продолжением. Эти ошибочные трактовки касаются роли как государства, так и рынка.

Так, неоклассиками Смигу приписан тезис о государстве как “ночном стороже”, то есть государстве, роль которого пассивна, сведена к необходимому минимуму. Однако этого нет ни в одном из его произведений. Напротив, многие утверждения этого мыслителя свидетельствуют о высокой оценке им роли и значения государства, в частности в реализации публичных услуг, смягчающих неравенство и бедность. Что же касается самой формулировки “государство в роли ночного сторожа” (*Nachtwächterstaat*), то ее автор – немецкий социалист Ф. Лассаль, применивший этот термин в 1862 г. на митинге социалистов в Берлине. Он предупреждал тогда, что когда государство сводится лишь к роли ночного сторожа, то вся его функция ограничивается предотвращением разбоев и взломов. Таким образом, если бы не было грабителей и воров, государство стало бы совершенно излишним [Lassalle 1862].

Такому пониманию роли государства противоречит много тезисов Смита. Об этом говорит хотя бы тот факт, что он отмечал перераспределительную роль государства, выступая за налоговую прогрессию: “Отнюдь не несправедливо, чтобы богатые участвовали в государственных расходах не только пропорционально своему доходу, но и несколько большей долей” [Smith 2007, s. 522]. Это указывает на повышенную чуткость и общественное укоренение теории Смита, а тем самым на приписывание государству активной роли в формировании социально-экономического порядка. Это же доказывает, в частности, его констатация, что “сообщество может выжить, когда не будет благотворительности, хотя это не будет для него самое благополучное состояние; однако перевес несправедливости должен его полностью уничтожить... Справедливость... это главный столп, который поддерживает все здание. Если его удалить, огромная, мощная структура человеческого сообщества, та структура, возведение и поддержание которой представляется на этом свете, если можно мне так сказать, особенной и любимой заботой Природы, должна вскоре рассыпаться на малые частицы” [Smith 1989, s. 127].

Смит оценивал при этом, что “работодатели всегда и всюду находятся в некоторого рода молчаливом, но постоянном и неизменном сговоре относительно того, чтобы не повышать оплаты труда выше существующего уровня заработной платы. Нарушение этого соглашения повсюду признается в высокой степени неблагоприятным делом, и виновный в нем предприниматель навлекает на себя упреки со стороны своих соседей и товарищей. Мы, правда, редко слышим о таких соглашениях, но только потому, что они представляют собой обычное и, можно сказать, естественное состояние вещей, о котором никогда не говорят” [Smith 2007, s. 80].

Отсюда можно бы было даже считать Смита предвестником концепции минимальной заработной платы, что подтверждает следующая цитата: “Человек всегда должен существовать своим трудом, и его заработная плата должна по меньшей мере быть достаточной для его существования. Она даже в большинстве случаев должна несколько превышать этот уровень, в противном случае ему было бы невозможно содержать семью, и общество этих рабочих вымерло бы в первом поколении” [Smith 2007, s. 81].

Высказывания Смита, касающиеся класса купцов и фабрикантов, не оставляют сомнения, что и в этой области он замечал необходимость активной роли государства. Он писал: “Наши купцы и фабриканты очень сетуют на плохие последствия высоких заработков, которые повышают цены и уменьшают тем самым продажу их благ в стране и за границей. Они, однако, совсем не вспоминают о плохих последствиях высоких прибылей. Молчат о пагубных последствиях своих выгод, а сетуют только на выгоды, достигающиеся другим” [Smith 2007, s. 115]. Он замечал при этом необходимость урегулирования законодательства, касающегося прав рабочих: “Работодатели, будучи в меньшем числе, много легче могут объединяться, а кроме того закон признает их объединения либо по крайней мере их не запрещает, а рабочим не позволяет объединяться” [Smith 2007, s. 79]. Все это противоречит неоклассическим и неолиберальным трактовкам, приуменьшаю-

щим роль государства в экономике, что исходит из предпосылки об исключительном значении рыночного механизма и “невидимой руки” рынка, которые заставляют всех хозяйствующих субъектов вести себя рационально, как *homo economicus*.

Приписывание рынку исключительной движущей силы, гарантирующей рациональность человеческих действий, связана с другим интерпретационным злоупотреблением по отношению к концепции Смита. Этот мыслитель тоже писал о “невидимой руке”, но не так, как это ныне часто истолковывается в виде “невидимой руки рынка”. Подтверждение этому – следующая цитата: “[Человек], когда руководит производством так, чтобы его продукт имел самую высокую возможную стоимость, думает только о своем собственном заработке, а все-таки в этом, как и во многих других случаях, какая-то невидимая рука руководит им так, чтобы он шел к цели, которой он отнюдь не намеревался достичь”. Общество же, которое вовсе не принимает в этом участия, не всегда от этого страдает. Имея в виду свой собственный интерес, “человек часто поддерживает интересы общества эффективнее, чем тогда, когда он намерен сознательно служить им. Никогда не случилось мне видеть, чтобы много добра сотворили люди, которые прикидывались, что торгуют для общественного блага” [Smith 2007, s. 40].

То есть смитовский механизм “невидимой руки” – нечто значительно большее, чем “невидимая рука рынка”. Это вся совокупность не только экономических взаимозависимостей, но и этических, моральных, культурных и других. Такое толкование подтверждает утверждение Смита, что в системе оценок и мотивов человеческого поведения, кроме принципа заглавных “моральных чувств”, существенную роль играет принцип справедливости, общественной пользы и “совести и Провидения Господня”.

Все это в принципе отличает теорию Смита от ее неоклассического и нелиберального толкования. Вспомним и то, что в 30-х гг. XX в. Дж. М. Кейнс подчеркивал, что экономика – наука общественная, моральная, учитывающая систему ценностей, мотивы, ожидания и психологические неуверенности людей. Все это в неоклассической доктрине игнорируется. В этом контексте Кейнс обращал внимание на “пропасть между выводами экономической теории и выводами, вытекающими из здравого смысла”. Отсюда и его саркастическая констатация, что «поразительным достижением классической школы было то, что она преодолела взгляды “естественного человека” и одновременно оказалась ошибочной» [Keynes 2003, s. 316].

Разумеется, и в рассуждениях самого Смита можно выявить моменты, дающие пищу для интерпретационных погрешностей. С недавних пор на это обращается внимание главным образом под воздействием кризисных явлений в экономике и все более заметных проявлений социально-экономических дисфункций (см., в частности, [Sadowski 2007; Polowcyk 2010; Zabieglik 2003]). Такие интерпретационные погрешности не остались без влияния на формирование взглядов на роль государства в экономике. Это все еще тема, вызывающая много споров, которые не привели к однозначным решениям ни в теории, ни в экономической практике (см., в частности, [Jarmolowicz 2012; Osinski 2014]). Об этом свидетельствует многочисленность концепций государства и его моделей устройства.

Концепции государства и модели социально-экономического строя

Фундаментальная сфера деятельности государства – установление социально-экономического порядка. Такой порядок формируется прежде всего путем исполнения государством его главных функций – регуляционной, аллокационной, перераспределительной и стабилизационной. Эти функции взаимно сопряжены. Упрощая, можно констатировать, что без должного регулирования, полагающего достаточно высокое качество и эффективность права, невозможно эффективное исполнение аллокационной функции, в рамках которой разрешаются, в частности, такие вопросы, как: объем публичной и частной сферы или принципы формирования предложения денег, государственной безопасности и обороноспособности. Невозможной была бы в таких условиях и эффективная реализация перераспределительной функции, в том числе взыскание

установленных налогов как основы поступлений в государственный бюджет. Этим снова-таки обуславливается должное исполнение стабилизационной функции, то есть деятельности государства в пользу ограничения неблагоприятных явлений, в особенности рецессии в экономике.

Сфера и способ реализации указанных функций характеризуют устройство государства. Его роль обусловлена выделением объема сфер экономики, формируемых рынком, с одной стороны, и государством – с другой. Здесь спектр возможных решений и пропорций достаточно широк: начиная с этатизма с правилом государства-максимум, неолиберального его умаления по принципу государства-минимум и кончая анархистским агоризмом или минархизмом [Osinski 2014]. Между этими крайностями имеется немало промежуточных моделей с различными пропорциями рынка и государства и различным подходом к вопросу пропорций между публичной и частной собственностью.

Итак, имеется целая гамма моделей социально-экономического строя, начиная с нерыночных тоталитарных и социалистических с небольшой, хотя и дифференцированной в отдельных странах, ролью свободного рынка, и кончая капиталистическими вариантами рыночной демократии. Эта дифференциация заметна и в одном, и в другом случае. Она столь значительна, что возникают даже методологические проблемы с классификацией отдельных моделей, с причислением их к определенной группе. Это касается, например, моделей, развитых в некоторых азиатских странах, в том числе в Китае. Здесь есть существенные сомнения относительно того, может ли и в какой степени Китай со своими преобразованиями все еще рассматриваться как страна с некапиталистической экономикой.

Гамма различных взглядов на роль государства в экономике весьма широка: от либертарианских, анархистских (см., в частности, [Nozick 1974]) концепций до либеральных (в том числе смитовской – классической, неоклассической и ордолиберальной). Не забудем и концепции патерналистского государства, сильно вмешивающегося в общественную и экономическую жизнь, а также концепции тоталитарные, согласно которым государство во всей полноте владеет организацией общественной и экономической жизни.

Либертарианские концепции (увы, подчас смешиваемые с либеральными), в том числе как агоризм, так и минархизм (близкие к анархизму), отстаивают положения, скорее не находящие практического подтверждения ни в одном из современных государств. Что же касается трех либеральных концепций государства, а именно классической (смитовской), неоклассической (неолиберальной) и ордолиберальной, то они нашли применение на практике, хотя только в отдельных странах, в разном объеме и в разных формах. Это касается и концепции патерналистского государства.

Данные концепции широко представлены в литературе, хотя нельзя не видеть, что в дискуссиях на эту тему нередко закрадывается понятийный хаос. Дело в том, что понятия либерализма, неолиберализма и ордолиберализма необоснованно считаются синонимами и все подаются просто как “либерализм”, вдобавок без должного выяснения его содержания и различных разновидностей¹.

Это тем более необоснованно, что неолиберальная доктрина, базирующаяся на фундаменте главного течения неоклассической теории, считается одной из главных причин все еще, по моему мнению, до конца не преодоленного финансового кризиса первого десятилетия XXI в. Вследствие этого кризиса вся либеральная экономическая мысль была подвергнута (в СМИ и частично в специальной литературе) подчас сокрушительной критике. Хотя эта критика касается неолиберализма, она в результате упомянутого понятийного хаоса нередко распространяется на либерализм вообще. Классический либерализм

¹ Один из абсурдных примеров, иллюстрирующий такой понятийный хаос, – утверждение известного польского публициста, что такое понятие, как “неолиберал”, не существует, так как он не знает никаких неолибералов [Gadomski 2011]. Эти вопросы подробно представлены в [Mączyńska, Pysz 2013; Pysz, Grabska, Moszyński 2014; Mirowski, Plehwe 2009].

и неолиберализм объединены идеей свободного рынка как главной движущей силы экономики. Но одновременно эти два направления различает подход к общественным и этико-моральным проблемам. Согласно неолиберальной доктрине их эффективно регулирует механизм свободного рынка, и участие государства в этой области излишне. Однако такой подход, как было показано выше, противоречит смитовской концепции классического либерализма, опирающегося на этику и мораль, а также концепции “невидимой руки”, не ограничивающейся рыночным механизмом. Она противоречит также смитовской заботе о публичной сфере и справедливости.

Роль государства в условиях цифровой революции. *Lock-in effect*

Современной мировой экономике присущ нарастающий динамизм, качественные трансформации, вызываемые прежде всего цифровой революцией, но также и другими явлениями, которые Е. Клеер определяет как цивилизационные кризисы [Kleer 2016, s. 52]. Эти изменения приводят к тому, что традиционные институциональные решения все чаще не отвечают требованиям новой экономики. Иногда ситуация доходит до своего рода культурной регрессии. Такого рода описываемый в литературе предмет *lock-in effect* (эффект закрытия) в ныне существующих прежних системных рамках и при принятии решений о приоритетах развития и его инструментарии представляет собой барьер на пути прогресса [Hryniewicz 2012]. Практика свидетельствует, что инструменты, которые были эффективны при формировании индустриальной цивилизации, хотя сохраняются и используются, но их эффективность все более ограничивается и уменьшается. Это – следствие цивилизационного кризиса и перехода в новую эру. Практика все чаще подтверждает, что в условиях новой экономики традиционные решения не только неэффективны, но и увеличивают риск ошибочных общественно-экономических решений, принимаемых на разных институциональных уровнях. А это в результате приносит дисгармонию между экономическим ростом и социальным прогрессом.

Тем временем история мира показывает, что почти каждое глубокое экономическое, технологическое или управленческое преобразование увеличивает риск разбалансированности в системе общественных ценностей, риск аномии. На это налагается разрушительное для системы гуманитарных ценностей господство рыночных критериев, выходящее за пределы собственно экономики, отоваривание всего и вся. Уже чисто этимологический анализ понятия аномии указывает на разрушительные свойства этого явления. Ведь само слово – греческого происхождения, означающее в буквальном смысле отсутствие закона. Однако оно не является синонимом беззакония. Ведь уже древние предостерегали, что *наиболее многочисленные законы были как раз в слабом государстве*, не способном эффективно поддерживать порядок.

Аномия касается почти всех форм общественной жизни, в том числе экономической. Она связана, в частности, с такими категориями, как те, которые очутились в красноречивом заглавии работы польского психолога М. Косевского “Ценности, достоинство и власть. Почему порядочные люди иногда воруют, а воры заботятся о совести”. Во всех исследованиях, касающихся аномии, начиная с Э. Дюркгейма, неизбежно появляются и экономические аспекты, касающиеся денег, а также профессионального и материального аспекта жизни². Это касается, в частности, аномии работника или институционально-системной аномии, связанной со сферой функционирования общества и намечаемых им целей и приоритетов. На это обращал внимание выдающийся американский исследователь аномии – Р.К. Мертон (кстати, отец экономиста, лауреата Нобелевской премии Р.К. Мертона). Дело в том, что растущая сложность экономики, а также общественных структур и разделения труда, при увеличивающемся дерегулировании и ограничении

² Аномия – понятие, которое использовалось уже античными греческими философами, и то в весьма различных значениях. Однако до сих она остается “открытым вопросом, который разные авторы наполняли и наполняют различным содержанием” [Kosewski 2012, s. 37].

традиционных функций государства благоприятствует неопределенности общественных норм и принципов, то есть аномии. Например, в случае аномии работника она принимает разные формы, в частности такие, как симулирование работы или симулирование платы за нее, то есть неадекватности заработной платы затратам труда, коррупции и кражам (например, типа “фирма в фирме”, “два ремонта, а один бюджет”, распространенность синдрома “я ничего не вижу и не хочу видеть” и т.п.), и вообще расширению применения двойных или неудобопонятных стандартов в разных областях жизни.

Проблематику двойных стандартов иллюстрирует, в частности, приведенное американским экономистом корейского происхождения Ха-Джун Чангом циничное заявление одного из банкиров: “Мы, банкиры из-за рубежа, выступаем за свободный рынок, когда можем нахапать денег, а верим в государство, когда можем их потерять” [Chang 2015, s. 185]. Чанг замечает двойные стандарты также в сфере международной экономической политики, особенно торговой, указывая на видимость и амбивалентность помощи, какую высокоразвитые страны предлагают странам менее развитым. Поэтому, говоря о первых, он прибегает к понятию “плохие самаритяне” и констатирует, что «когда богатые страны впадают в рецессию, они обычно смягчают монетарную политику, когда то же самое случится в развивающихся странах, “плохие самаритяне” через посредство МВФ заставляют их повысить процентные ставки до абсурдных уровней и уравнивать бюджеты, вплоть до создания профицита – даже если эти действия во много раз увеличивают безработицу» [Chang 2015, s. 271–272]. Припоминая о высказывании Г. Видала 1982 г., Чанг указывает на появившееся уже тогда в США упущения в секторе общественного обслуживания, возникшие вследствие того, что “мы предпочитаем, чтобы общественные деньги попадали не к нуждающимся людям, а к большому бизнесу. Следствием чего стала уникальная модель общества, в котором имеется свободное предпринимательство для бедных и социализм для богатых” [Chang 2015, s. 271]. Этого типа аномия и двойные стандарты оказываются источником общественных напряжений, которые в крайнем случае могут привести к бунту и даже к революции, то есть к протесту против существующей системы.

Усиление аномий носит ныне глобальный характер, хотя в отдельных странах проявления ее весьма дифференцированы и по характеру, и по масштабу, и по силе воздействия. Можно сказать, что они – следствие признаков, характеризующих свободный рынок. Ярко представляют эту проблему два лауреата Нобелевской премии Дж.А. Акерлоф и Р.Дж. Шиллер в книге под многоговорящим заглавием “Охота на простака. Экономия манипуляции и обмана”. Само ее заглавие указывает на этико-моральную почву рассуждений. Ее авторы отмежевываются от неоклассической теории экономики и характерной для нее догмы свободного рынка, указывая на ее имманентные дисфункции, рыночные обманы, уловки и манипуляции, которые авторы определяют понятием *phishing*. Цифровая революция создает здесь добавочные возможности, но в то же время облегчает выявление манипуляций и информирование о них. А это способствует противодействию им.

В целом представляется важным, чтобы понятие “развитие” не замыкалось в узкоэкономической сфере. Тут крайне важен терминологический порядок. Вспомним, что И. Сакс предложил в середине 90-х гг. минувшего столетия, чтобы понятие “развитие” применялось исключительно тогда, когда имеет место прогресс во всех сферах – экономической, социальной и экологической (см. табл.). Предложенные здесь классификации категорий роста и развития соотносятся с понятием развития втроене уравновешенного как главной категории в экономике нового прагматизма [Baltowski 2016].

Развитие, втроене уравновешенное, – это задание, с которым нелегко справиться, особенно если учесть представленный масштаб социально-экономического беспорядка и социально-экономического дискомфорта и связанной с этим аномии. Глобально нарушенное равновесие и социальные неравенства, цифровая революция, рыночный фундаментализм и ошибки измерения становятся ныне четырьмя главными проаномийными факторами. Среди них, в частности, важно выделить дисфункции в политике или в системе правотворчества и правоприменения. Однако все они представляют собой как бы

первичную основу аномии, генерируя ее очередные источники. При этом между указанными факторами существуют и обратные связи, которые синергически усиливают проявления аномии.

Таблица

Развитие и экономический рост – основные категории

№	Ростари роста и развития	Экономическая сфера	Социальная сфера	Экологическая сфера
1.	Дикий экономический рост	+	–	–
2.	Рост положительный в общественном отношении	+	+	–
3.	Рост, полезный для среды	+	–	+
4.	Развитие	+	+	+

Источник: [Sachs 1996, s. 44].

Вышепредставленные диспропорции указывают на необходимость поисков противодействующих им решений. Это свидетельствует в то же время о потребности анализа, углубленных размышлений и дискуссий на тему роли государства в современной экономике и обществе и внесения необходимых изменений в его функционирование. И. Валлерстайн в своей оценке видит здесь вину общественных наук. По его мнению, “в последние десятилетия в политике и важнейших общественных науках преобладает мнение, что не стоит даже и думать о каком-либо значительном структурном изменении. Неоклассическая экономия основывает свою модель на принципах в основном неизменной социальной вселенной... Это, однако, лишь эмпирическая предпосылка. Пятистолетнее существование капитализма как системы это не доказательство, что он будет существовать вечно” [Wallerstein, Randall, Michael, Derlugian, Calhoun 2016, s. 8].

Подобные критические оценки неоклассической экономии формулирует Г. Колодко, представляя вместе с тем авторскую концепцию **экономии нового прагматизма**, в некоторой степени родственную идее ордолиберализма [Kolodko 2013]. Дело в том, что ордолиберализм как экономия нового прагматизма является концепцией, направленной на установление в обществе равновесия, на согласование экономических, общественных и экологических интересов. Признавая потребность в активной роли государства в формировании и гармонировании социально-экономического развития, с учетом культурного и исторического, а также пространственного контекстов, Колодко констатирует, что, напротив, “ограничение его роли явно не благоприятствует экономическому росту”. Хотя одновременно признает и сомнительность обратного тезиса, что “увеличение роли государства и укрепление его позиции в экономической игре благоприятствует экономическому росту” [Kolodko 2008, s. 243].

Колодко указывает, что «государство не должно быть ни “малое” ни “большое”, только “исправное”. Подобно этому было бы наивностью постулировать “дешевое” государство. Дешевый может быть борщ, но не государство. Оно должно быть “эффективным”, то есть должно доставлять своему обществу необходимую для его функционирования и развития массу общественных благ определенного качества. А это дорого» [Kolodko 2008, s. 243]. Однако в отличие от ордолиберальной концепции, ориентированной на модель национального государства, экономия нового прагматизма учитывает глобальный контекст: он полагает, что дело тут в ориентированности общественных наук, а в мировом масштабе – на политику, на глобальную стратегию развития *sensu largo* [Kolodko 2010, s. 93].

Потребность в новом прагматизме рождает и теоретически обосновывает растущий риск и проявления структурного кризиса в глобальном хозяйстве. Валлерстайн предсказывает грядущий структурный кризис мирового хозяйства, который будет значительно

больше, чем последний экономический кризис, который ныне представляется только прологом более глубоких трудностей и изменений.

Такие мысли, бесспорно, благоприятствуют интенсификации дискуссии на тему роли государства в современной экономике. При этом предсказываемый Валлерстайном и его коллегами конец капитализма не означает, что одновременно предсказывается и крах государства. Не будем забывать, что государства существовали задолго до капитализма и как институт не утратили своих основных функций.

В то же время происходящие перемены указывают на абсурдность, необоснованность противопоставления государства и рынка. Дело в том, что свободный рынок остается в зависимости от государства. Нобелевские лауреаты 2017 г. Р. Талет и К. Санстейн подчеркивают, что “свободный рынок зависим от правительства, которое должно защищать частную собственность и гарантировать соблюдение договоров... В мире существует, однако, значительное различие между бессмысленным сопротивлением всем вмешательствам правительства как таковым и разумным утверждением, что когда правительства вмешиваются, они должны это делать так, чтобы поддерживать свободу выбора... Уже одна сложность современной жизни и ошеломляющий темп технологических и глобальных изменений подрывает аргументацию в пользу строгих директив или догматического следования принципам *laisser faire*” [Thaler, Sunstein 2012, s. 286, 287].

Вместе с переменами, происходящими в современной экономике, появляются и новые концепции государства, в том числе концепции цифрового государства (*e*-государства), и другие. В числе особенно интенсивно обсуждаемых – концепция предприимчивого государства. Ее автор М. Маццукато приходит к выводу, что, учитывая новые вызовы, перед какими стоят государства, они должны в большей степени включаться в процессы стимулирования инновационности в экономике. Однако эта поддержка не должна предполагать возвратность средств (а такая практика доньше преобладала). Она должна основываться на бизнес-правилах, обеспечивающих государству долю в прибылях от начинаний, закончившихся успешно. Благодаря этому средства, выделяемые государством на финансирование и очередных инноваций, и сферы общественного обслуживания, будут увеличиваться. Кроме того, такой подход поможет ликвидировать синдром приватизации прибылей и национализацию убытков [Mazzucato 2016].

Эта концепция не встретила, правда, одобрения сторонников модели государства-минимум, но все же она вызывает интерес. Замечу, что она тем более существенна, что глобализация ограничивает роль национальных государств, перенося часть их функций на наднациональные уровни. Можно, однако, предполагать, что наднациональные структуры не вытеснят в предугадываемой перспективе национальные государства с их специфическими культурными, историческими, экономическими и другими условиями.

Концепция Маццукато связана со всеми ранее указанными функциями государства и подтверждает обоснованность противопоставления государства рынку. На это обращает внимание, в частности, И. Сакс: «В нынешних дискуссиях о роли государства задаются, по разным причинам, не те, что надо, вопросы. Исходной точкой дискуссии является противопоставление государства и рынка, тогда как каждый рынок должен регулироваться государством, особенно когда хочется, чтобы рыночная экономика исполняла также общественные функции. Критика этатизма, правильно формулируя упреки в злоупотреблениях, упрощает проблему, выдвигая лозунг “меньше государства”, тогда как дело тут в том, чтобы государство было более эффективным, а тем самым меньше бы стоило» [Sachs 1996, s. 47–48]. Подобное мнение формулирует и лауреат Нобелевской премии Э. Фелпс: “Ни один рынок не может долго существовать без поддержки публичных учреждений, являющихся его базой. На местах публичные и частные учреждения не существуют в изолированных мирах, но часто перемешаны и взаимозависимы” [Phelps 2013, s. 20]. Это указывает на необходимость формирования инклюзивной общественно-экономической системы, ориентированной на оптимизацию использования потенциала развития страны.

Инклюзия сама по себе является ценностью. Это движущая сила инновационности, конкурентоспособности и эффективности, а значит, и улучшения качества жизни людей.

Инклюзивная система высвобождает и приводит в движение креативность и предприимчивость, так как она укрепляет положительные связи, основанные на чувстве безопасности, доверия и общности интересов (см., в частности, [Acemoglu, Robinson 2006]). Инклюзивная экономика – это система, опирающаяся на возможности суверенных и равноправных ее участников, соединенных в большей степени узлами партнерства и сознательной взаимозависимости, чем иерархии и подчинения в отношениях “государство – гражданин – бизнес – общественные группы”. Инклюзивное государство должно давать гарантии справедливости и уважения закона, поддержки креативности, инновационности, развития способствующих этому институтов и недопущения неравенства в доступе к закону (подробнее см. [Maćzynska 2016^a]).

Несомненно, государство будет эволюционировать вместе с эволюцией капитализма и его разновидностей, что не исключает предсказываемой Валлерстайном “смерти капитализма”. Ведь история свидетельствует, что капитализм – “только особый вид исторической конфигурации рынков и государственных структур, в которых частная экономическая прибыль, достигаемая чуть ли не любыми средствами, является высшей целью и мерилем успеха. Иная и приносящая больше удовлетворения организация рынков и человеческого общества, быть может, станет возможной” [Maćzynska 2016b, s. 15].

Исторический опыт показывает, что государство – чуть ли не вечный институт, хотя и подлежащий различным изменениям. Однако, пожалуй, никогда раньше дискуссии о его роли и об общественно-экономическом строе не принимала столь всеобъемлющего значения. Это исходит не только из опыта современного глобального кризиса, но прежде всего из проявлений кризиса структурного. Широта и глубина кризисных явлений показывают сложность их причин, а вместе с тем их деструктивность: они разрушают прежние эталоны. А значит, подвергаются сомнению сами принципы, лежащие в основе существующих экономических и общественных моделей, а также сопутствующие им системы верований и обосновывающие их способы восприятия мира.

Изменения диктует цифровая революция с ее технологическим потенциалом, открывающим возможности развития глобальных горизонтальных связей, благоприятствующих большей свободе и децентрализации деятельности. Это способствует прорыву ранее локальных структур в “большой мир”, но становится вызовом для местных властей: способны ли они использовать этот шанс на благо своего региона.

Вместе с тем информационные технологии ограничивают пороки вертикальных связей в сфере бизнеса (в связи с этим появляется даже понятие капитализма вертикального и горизонтального). Дело в том, что в экономике, основанной на Интернете, сглаживаются границы между секторами и учреждениями, что требует отхода от иерархической модели вертикальных связей и фундаментальных изменений системы ценностей и политической культуры, одновременно благоприятствуя транспарентности, демократизации, эффективности и скорости принятия решений.

Потенциал цифровых технологий увеличивает возможности приведения роли государств в соответствие с глобальными вызовами и особенностями отдельных стран. Валлерстайн полагает, что эта перемена, возможно, рождает несколько “мир-систем”. То есть “технология предлагает – человечество располагает”. С этой точки зрения трудно не согласиться с еще одним тезисом Валлерстайна: “...мир встает перед выбором структурно расходящихся шансов. Переломы становятся возможными, когда достаточная общественная поддержка и внимание общества обращены на мышление и дискуссию на тему альтернативных замыслов” [Wallerstein, Randall, Michael, Derluigian, Calhoun 2016].

Этот тезис особо актуален, если учесть ширину распространения информационной революции, охватывающей все континенты. Хотя уверенно определить направления этих перемен пока невозможно, тем более что, как напоминает Валлерстайн, “мыслители XX века и тогдашние политические лидеры всех толков ошибались, будучи в соответствии со своими идеологиями убеждены, что в будущее ведет только один путь. Так убеждали, навязывая свои взгляды другим, ярые защитники капитализма, коммунизма и фашизма”. В то же время он, однако, предостерегает: “Повторное установление общественного порядка в самом центре экстремального конфликта может произойти по образцу,

подобному фашистскому или по много шире задуманному демократическому образцу” [Wallerstein, Randall, Michael, Derlugian, Calhoun 2016, s. 13–14, 11].

Поэтому трудно не согласиться со знаменательным заглавием публикации З. Мадея “Мегасистемы смертны” и с содержащимся в ней тезисом: “...историю пишут будущие поколения, и они установят цезуру между капитализмом и какой-то посткапиталистической формацией. Мы, современники, можем утверждать, что внедряем в жизнь очередную модель капитализма, но будущие знатоки проблемы могут ведь задумываться, имела ли она уже какие-то признаки капитализма, либо будут решительно утверждать, что она была именно такой” [Madej 2013, s. 183].

Итак, надо счесть естественным, что исследования, определяющие роль государства в современном мире, все еще находятся в сфере постановки вопросов и массы неопределенностей. Основным в их числе является вопрос, задаваемый, в частности, А. Шахаем, “как сохранить равновесие между государством, рассматриваемым как общее благо, и свободным рынком, как допускать во имя этого блага некоторую дозу патернализма государства, не позволяя ему всецело руководить нашей жизнью (ибо хуже минимального государства может быть только государство вездесущее)” [Szahaj 2017]. Это все еще вопрос открытый, направленный на поиски золотой середины, а вместе с тем указывающий на необходимость постоянных исследований и анализа данной проблематики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Так как все работы приведены на латинице, список литературы см. в “References”.

Role of State in Economy: from the time of Adam Smith to the digital revolution

E. MAĆZYŃSKA*

* **Maćzyńska Elzbieta** – professor of economic sciences a graduate of the University of Warsaw, professor at the of Warszawa School Economics, member of the Scientific Council of the Institute of Economic Sciences of the Polish Academy of Sciences; from December 2005 president of the Polish Economic Society, Member of: the “Poland 2000 Plus” Committee Presidium, the Economic Sciences Committee of the Polish Academy of Sciences, the National Development Council. Address: Nowy Swiat 49, 00–042 Warszawa, Republica Polska. E-mail: elzbieta.maczynska@gmail.com

Abstract

The article analyzes one of the most controversial issues of modern economic theory - the role of the state in economic processes, including relations between the state and the market. It is shown that the neoliberal treatment of these problems, formally going back to Adam Smith, was in fact a step towards the primitivization of his ideas, ignoring the ethical aspect of his theory, mistakenly interpreting his famous metaphor of the “invisible hand». The situation in the course of the formation of the modern social state is analyzed. Considered are innovations that correct the functions of the modern state with the advent of the digital revolution and the associated civilizational crisis. It is shown that the solution of modern problems of economic development requires the inclusion in the concept of economic rationality and social, and value, and environmental components. In the coordination of all this complex of problems, a significant role is played by the modern state, whose strategy must be built on the principles of new pragmatism.

Keywords: state, economic growth, Adam Smith, “invisible hand”, social state, digital revolution, new pragmatism.

REFERENCES

- Acemoglu D., Robinson J.A. (2006) *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. New York: Cambridge Univ. Press.
- Bałtowski M. (2016) *Ekonomia przyszłości. Wokół nowego pragmatyzmu Grzegorza W. Kołodko* [Economy of the future. Around the new pragmatism of Grzegorz W. Kołodko]. Warszawa: PWN.
- Calaprice A. (2014) *Einstein v cytatach pleine wydanie* [The New Quetable Einstein]. Warszawa: Polityka.
- Chang Ha-Joon (2015) *Żli Samarytanie. Mit wolnego handlu i tajna historia kapitalizmu* [Bad Samaritans. The myth of free trade and the secret history of capitalism]. Warszawa: Wydawnictwo Krytyki Politycznej.
- Fromm E. (2013) *O życiu człowiekiem* [About human life]. Kraków: Vis-a-Vis Etiuda.
- Gadomski W. (2011) *Odpowiedź "neoliberalna"* [Neo-liberal error] *Gazeta Wyborcza*. 7 sierpnia (http://wyborcza.pl/1,76842,10070363,Odpowiedz__neoliberalna_.html).
- Hryniewicz J.T. (2012) *Stosunki pracy w polskich organizacjach* [Labor relation in Polish organization]. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar.
- Jarmołowicz W. (red.) (2012) *Liberalizm ekonomiczny w dobie transformacji, integracji i globalizacji* [Economic liberalism in the era of transformation, integration and globalization]. Poznań: Zeszyty naukowe Uniwersytetu Ekonomicznego w Poznaniu.
- Keynes J.M. (2003) *Ogólna teoria zatrudnienia, procentu i pieniądza* [The General Theory of Employment, Interest and Money] tłum. M. Kalecki, S. Rączkowski. Warszawa: PWN.
- Kleer J. (2016) *Cywilizacje i ich przesilenia* [Civilizations and their solitices]. *Studia Ekonomiczne INE PAN*, no. 1.
- Kołodko G.W. (2013) *Dokąd zmierza świat. Ekonomia polityczna przyszłości* [Where the world is going. Political economy of the future]. Warszawa: Prószyński i S-ka.
- Kołodko G.W. (2010) *Świat na wyciągnięcie ręki* [World at your fingertips]. Warszawa: Prószyński i S-ka.
- Kołodko G.W. (2008) *Wędrujący świat* [Wandering world]. Warszawa: Prószyński i S-ka.
- Kosewski M. (2012) *Wartości, godność i władza. Dlaczego porządni ludzie czasem kradną, a złodzieje ujmują się honorem* [Values, dignity and power. Why decent people sometimes steal, and Thieves take their honor]. Warszawa: Vizja Press & IT, Wyższa Szkoła Finansów i Zarządzania.
- Kwarciański T. (2005) *Niewidzialna doktryna Adama Smitha* [The Invisible doctrine of Adam Smith]. *Zeszyty Naukowe KUL*, z. 1 (189).
- Lassalle F. (1862) *Das Arbeiter-Programm. Über den besonderen Zusammenhang der gegenwärtigen Geschichtsperiode mit der Idee des Arbeiterstandes*, 12. April 1862 (<https://www.marxists.org/deutsch/referenz/lassalle/1862/04/programm.htm>).
- Mączyńska E. (2016^a) *Inkluzywność jako cecha przyszłego ładu społeczno-gospodarczego* [Inclusivity as a future of the future socio-economic order]. Bałtowski M. (red.). *Ekonomia przyszłości. Wokół nowego pragmatyzmu Grzegorza W. Kołodko*. Warszawa: PWN.
- Mączyńska E. (2016^b) *Państwo w warunkach rewolucji informacyjnej* [The State in the conditions of the information revolution]. *Biuletyn PTE*, no. 3.
- Mączyńska E., Pysz P. (2013) *Ordoliberalizm i społeczna gospodarka rynkowa wobec wyzwań współczesności* [Ordoliberalism and Social Market Economy against the challenges of Modern times]. Mączyńska E. *Ekonomia dla przyszłości. Fundamentalne problemy teorii ekonomii i praktyki gospodarczej* [Economics for the future. Fundamental problems of the theory of economics and business practice]. Warszawa: PTE.
- Mączyńska Z. (2013) *Megasystemy są śmiertelne* [Megsystems are lethal]. E. Mączyńska, J.J. Michałek, J. Niżnik (red.). *Kryzysy systemowe* [Systemic crises]. Warszawa: Komitet Prognoz "Polska 2000 Plus" PAN.
- Mazzucato M. (2016) *Przedsiębiorcze państwo* [Enterprising society]. Warszawa: Heterodox.
- Mirowski P., Plehwe D. (2009) *The Road From Mont Pelerin: The Making of Neoliberalism*. New York: Harvard Univ. Press.
- Nozick R. (1974) *Anarchy, State and Utopia*. New York: Basic Book.
- Osiński J. (2014) *Współczesne państwo jako podmiot publiczny* [Contemporary State as a Public Entity]. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Szkoły Głównej Handlowej.

Phelps E. (2013) *Praca za płacę. Jak sprawić, by ludzie znów zaczęli uczestniczyć w systemie wolnej przedsiębiorczości i zarabiać* [Work for pay. How to make people start participation in the free enterprise system and making money again]. Warszawa: Kurhaus Publishing.

Polowczyk J. (2010) Elementy ekonomii behawioralnej w dziełach Adama Smitha [Elements of behavioral economics in the works of Adam Smith]. *Ekonomista*, no. 4.

Pysz P., Grabska A., Moszyński M. (2014) *Spontaniczne i ustanowione elementy ładu gospodarczego w procesie transformacji* [Spontaneous and established elements of the economic order in the transformation process]. Warszawa: PTE.

Sachs I. (1996) W poszukiwaniu nowych strategii rozwoju [In search of new development strategies]. *Gospodarka i Przyszłość*, no. 1–4.

Sadowski Z. (2007) *Przedmowa* [Preface] A. Smith, *Badania nad naturą przyczynami bogactwa narodów*, t. 1–2 [The Study on the nature and causes of the Wealth of Peoples]. S. Wolff, O. Einfeld, Z. Sadowski, A. Prejbisz, B. Jasińska, red. J. Drewnowski, E. Lipiński. Warszawa: PWN.

Smith A. (2007) *Badania nad naturą i przyczynami bogactwa narodów*, t. 1–2, tłum. [The Study on the nature and causes of the Wealth of Peoples]. S. Wolff, O. Einfeld, Z. Sadowski, A. Prejbisz, B. Jasińska, red. J. Drewnowski, E. Lipiński. Warszawa: PWN.

Smith A. (1989) *Teoria uczuć moralnych* [The Theory of Moral Sentiments] tłum. D. Petsch. Warszawa: PWN.

Szahaj A. (2017) Filozofia skrajnego egoizmu [The Philosophy of extreme egoism]. *Rzeczpospolita PLUS MINUS*, 18-19.11.

Thaler R.H., Sunstein C.R. (2012) *Impuls. Jak podejmować właściwe decyzje* [The Impuls. How to make the right decisions]. Poznań: ZYSK i S-KA.

Wallerstein I., Randall C., Michael M., Derlugian G., Calhoun C. (2016) *Czy kapitalizm ma przyszłość?* [Does capitalism have a future?]. Warszawa: Dialog.

Zabieglik S. (2003) *Adam Smith* [Adam Smith]. Warszawa: Wiedza Powszechna.